

МОДЕРНИСТСКИЙ ПРОЕКТ В РОССИИ: К ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА

Россия, избравшая с XVIII века путь ускоренной вестернизации, вынуждена была проходить и этапы западного общественно-экономического и культурного развития быстрее, чем Европа. Эпоха модерна, начавшаяся в Европе со Столетней войны, длилась до первых десятилетий XX века. На заре своего существования идеи модерна привели к формированию великих европейских наций, к отказу от феодального местничества, к формированию национальной элиты в высшем смысле этого слова, воплотившей в себе лучшие черты народных характеров и устремлений. Великие писатели XVIII–XIX веков Вольтер и Руссо, Гете и Диккенс были не просто писателями – они являлись властителями дум.

История России на протяжении последних трех столетий неразрывно связана с европейским модерном и влияние это принесло как взлеты, так и падения, однако сама эпоха модерна длилась в России значительно короче, чем на Западе, возможно, этим объясняется масштабность российского модернистского проекта.

Особенно ярко черты эпохи модерна проявились в культуре рубежа XIX–XX веков (период от Франко-прусской войны 1870 г. до Первой мировой). Конец XIX века принес невиданные достижения в фундаментальных областях науки, повлекшие за собой и стремительный технический прогресс. Из кризиса старого мира рождалась духовная революция. Иногда бытует мнение, что эпоха модернизма наиболее отчетливо выражает себя в искусстве декаданса от «проклятых поэтов» – Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо до русских символистов – Д. Мережковского, В. Брюсова, Ф. Сологуба и т. д. Действительно, их творчество проникнуто настроениями увядания, распада, загнивания – но это относилось к старому миру, обреченному всем ходом прогресса на

уничтожение. Именно на рубеже веков эпоха модерна породила пристрастие ко всякого рода «большим проектам», получившим в XX веке осуществление – иногда блистательное, иногда трагическое. Это время глобальных проектов, «Великих Строек», преобразования мира. Таков, например, проект «Американская мечта», обеспечивший Америке первое место в мире, однако фальшивую сущность которого раскрыл еще Т. Драйзер в «Американской трагедии», националистический проект в Германии, на первых порах вытащивший страну из кризиса, но обернувшийся фашизмом и ужасами Второй мировой войны, идея несущей всему человечеству благо НТР, обернувшаяся угрозой всеобщего уничтожения. В этом смысле советский проект во всем его трагическом величии есть также порождение эпохи модерна, и Россия вложила в него огромные физические и духовные силы, добившись небывалых результатов. Человек, участник этого проекта – это феномен новой эпохи: он не скован идеологическими и юридическими ограничениями традиционного общества, он активен, он формирует дерзкие, масштабные проекты будущего, он претворяет их в жизнь, он полон энтузиазма и веры в результат своего труда. Социалистический проект, как порождение проекта модернистского, был основан на идее неуклонного, нарастающего прогресса, который должен обеспечить всеобщее благоденствие и высшее развитие отдельного человека. Имел место в новой модернистской культуре, как в западной, так и в советской, и техницизм, механистичность, происходило уподобление общественного организма машине, а людской массы – ее частям. По мнению идеологов социализма, великая цель должна была обеспечить тотальное подчинение общему делу, старый классицистический конфликт между чувством и долгом решался в пользу последнего, ведь на великих стройках социализма человек был «колесиком, винтиком в деле общепролетарского механизма», общество должно быть «организовано как единая промышленная фабрика» (В. И. Ленин).

Западноевропейское модернистское начало прослеживается и в таком,

казалось бы, чисто отечественном жанре литературы, как производственный роман. Он был одним из ведущих направлений советской литературы 20-30-х годов, но не являлся порождением социалистического реализма.

Жанр производственного романа появился в западной литературе и был порожден эпохой модерна¹. Он оформляется в Европе в начале XX века, родоначальником его считается Пьер Амп (Анри Бурильон), создавший серию романов о производстве «Страда человеческая». В центре внимания автора – идеи технического процесса и рационализации производства. Некоторые исследователи усматривают истоки жанра производственного романа в натурализме, например, в романах Э. Золя. («Жерминаль», «Труд»)². В «Жерминале», впрочем, на первый план выходит не производственная тематика, а осуждение капиталистического хищничества и первые шаги сознательного рабочего движения. А вот в романе «Труд» изображено два мира: в начале – натуралистически-подробное описание капиталистического сталелитейного завода, имеющего знаковое название «Бездна»; работа ведется в нечеловеческих условиях, завод загрязняет ядами окружающую природу. Но технический и общественный прогресс творят чудеса: объединившиеся рабочие выкупают завод, трудятся, проявляя самоотверженность и коллективизм, из средств прибыли

¹ О советском и постсоветском производственном романе см.: Абдуллаев, Е. Производственный роман / Е. Абдуллаев. // Дружба народов. — 2017. — № 6. — С. 247–249; Лебедушкина, О. Прощай, королевская грусть? О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» / О. Лебедушкина. // Дружба народов. — 2009. — № 10. — С. 199–203.; Маяцкий, М. Курорт Европа: эссе / М. Маяцкий. — Москва : Ad Marginem, 2009. — 176 с.; Андрианова, М. Производственный роман в постиндустриальную эпоху // Современное искусство в контексте глобализации. СПб., 2022. С. 70-72; Андрианова, М. Производственный роман сегодня: к вопросу о ресайклинге жанра // Русская литература. — 2023. — № 1. — С. 245-256.

² Москвитин Н.Л., Мацаева М.А. К вопросу о жанровой специфике производственного романа (на материале произведений Артура Хейли) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3.

производят модернизацию, их примеру следуют трудящиеся других стран и заканчивается повествование утопической картиной счастливого и свободного коллективного труда по всей Земле. Еще один широко известный производственный роман, оказавший большое влияние на все направление в целом – «Туннель» Б. Келлермана – так же вдохновенно воспекает труд. События происходят при капитализме, но автор пытается найти в нем новые, гуманистические возможности: народный труд направлен не на тривиальное обогащение кучки эксплуататоров, а на всеобщее благоденствие. В центре – типичный для модернистской эстетики Большой проект. Огромные массы рабочих, гигантские капиталы, невиданный технический прогресс направлены на строительство подводного туннеля из Европы в Америку. К победе приводит и инженерный гений, и сила воли благородного интеллектуала Мак Аллана, но и капиталистическая идея не отвергается – дело начато благодаря огромным инвестициям промышленника Ллойда, поддержавшего идею. При этом Мак Аллан уже предвосхищает черты героев соцреалистических производственных романов: он безоглядно предан делу, которое принесет прибыль миллионам мелких акционеров, он жертвует ради стройки здоровьем, теряет любимую семью, но не сдается. В постсоветской России роман Келлермана был весьма популярен, только в 20–30-е годы он переиздавался около 20 раз.

В России модернистский проект начал воплощаться наиболее масштабно, это уже не строительство завода или туннеля, это построение нового мира на основах равенства, справедливости, всеобщего блага. В первые годы советской власти в литературе превалировала тема гражданской войны. Но к началу 30-х годов проект индустриализации, включавший строительство и новых заводов, и нового человека, требовали идеологической поддержки. В силу этого героем советской прозы становится «человек, организуемый процессами труда»³.

3 Доклад М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Стенографический отчет. – М.: Гослитиздат, 1934. С. 183.

В этих романах миллионы обычных людей становятся уже не безликими объектами истории, а ее субъектами. Перед нами истинный человек модерна – он охвачен духом творчества, он дерзает на запредельное. Таковы романы и повести «Цемент» (1925), «Энергия» (1933) Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панферова (1928–1937), «Гидроцентральный» М. Шагинян (1930–1931), «Соть» Л. Леонова (1930), «Большой конвейер» Я. Ильина (1931), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «День второй» И. Эренбурга (1934), «Танкер «Дербент»» Ю. Крымова (1938),

Впоследствии критика отмечала дидактизм, искусственную сконструированность большинства этих романов, хотя лучшие из них представляют интерес до сих пор. Однако постепенно, под влиянием соцреалистических догм, жанр лишался энергии, новаторской составляющей, «застывал» и утрачивал интерес читателя.

В 1940-50-е годы на первый план вышла тема Великой отечественной войны. Но в первые годы «оттепели», на волне всеобщего подъема жанр «производственного романа» переживает недолгое возрождение: («Искатели» и «Иду на грозу» Д. Гранина, «Районные будни» В. Овечкина, «Не хлебом единым» В. Дудинцева). Однако сам жанр оказался сильно дискредитирован, от литературы искушенный читатель ждал не описания красот технического прогресса, а углубленного психологизма. В 70-х годах «производственный роман» в прямом значении этого термина, как роман о судьбе производства, демонстрирует откровенное увядание. Единственная широко известная попытка такого рода – «Территория» О. Куваева (1975). Но есть существенное отличие от романов 30-х годов: производство лишается массового характера. Главный герой, ищущий золото на Чукотке, верит в свою правоту, проявляет самоотверженность, почти фанатизм, но он трагически одинок. Бюрократизм эпохи застоя уже явственно глушит порывы отдельных энтузиастов.

И на Западе, и в России в этот момент заметна усталость от модернистских интенций. И в идеологическом поле, и в литературе дорогу

все шире прокладывает себе постмодернизм, с его неверием во всяческие «Большие проекты», тотальной иронией, скепсисом, нигилизмом, игрой с чужими сюжетами и мотивами, постмодернистской чувствительностью, переходящей в причудливость и различные девиации. Все настойчивее звучит мысль, что человечество потратило XX век именно на то, чтобы избавиться от морока «Больших нарративов», манящих в светлое будущее, но требующих непосильных жертв.

За идейным кризисом эпохи модерна последовал и кризис экономический, который, впрочем, долгое время воспринимался как победа идей глобализма. 1980–90-е годы XX века стали началом грандиозной деиндустриализации. Отказавшись от «Великих проектов», Западная Европа и особенно США последовательно избавляются от рабочего класса, перенося производство в слаборазвитые страны. Объявлена постиндустриальная эра, торжествует этика глобализма, над предприятиями теперь господствуют банки, а над странами – международные консорциумы финансовых спекулянтов, «глубинное государство». Нации незаметно теряют экономический суверенитет, ибо глобалисты всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство. Таким образом на Западе торжествует антимодернистский проект, который означает намеренное разрушение грандиозного социокультурного проекта Просвещения, обещавшего, что народы мира, пусть разными путями, но будут двигаться в одном направлении: к свободе, равенству, благосостоянию, просвещению. Глобалистский проект, поначалу обещавший всего лишь мирное и разумное разделение труда между странами, обернулся идеей взятия под контроль глобальные ресурсы всего мира, чтобы сделать их доступными – но не всему человечеству, а «золотому миллиарду».

Разрушение Советского Союза, провозглашавшего себя государством рабочих, безусловно, не случайно совпадает с этой тенденцией. Разрушение национального производства в России и на Западе произошло, казалось бы,

по разным причинам, но наши опустевшие моногорода и заброшенные кварталы Детройта производят одинаково безотрадное впечатление. При этом российская деиндустриализация проводилась именно под лозунгом глобализма.

В этой ситуации на определенное время исчезает из литературы и производственный роман, оставив после себя деконструирующие жанр злые карикатуры В. Сорокина («Тридцатая любовь Марины») или грустно-ироничные фантазии В. Пелевина («Затворник и Шестипалый», «Вести из Непала», «День бульдозериста»)

Проходит менее двух десятилетий – и идеологический и физический крах «Больших проектов» приносит тоску по утраченному. Уничтожение национального производства на Западе приводит к тому, что заводы и фабрики переоборудуются под музеи или арт-пространства. В России несколько позже начинает происходить то же самое. Названия некоторых объектов сохраняют следы своего происхождения («Порт Севкабель» в Петербурге). М. Маяцкий отмечает: «Меняется отношение к недавней индустриальной истории: она становится предметом памяти и эстетического любования»⁴.

Россия под влиянием Запада отказалась не только от идеологии социализма. Она слишком скоропалительно приняла постмодернистскую идею деиндустриализации и, в сущности, глобалистического гедонизма – когда, не предпринимая усилий, можно оставаться «энергетической сверхдержавой», т. е. сырьевой страной, закупающей все необходимое за рубежом. Эпоха ковида и тотальных санкций нанесла тяжелый удар по этим мечтаниям. Но и западные государства в последние годы проявляют все большее беспокойство. Вместе с производством уходят в другие страны и инженеры, и технологии, и научные школы. Народ вне производства люмпенизируется, теряет цель и смысл существования. Яркое свидетельство этому – идеи трампистов, решительные попытки США

4 Маяцкий М. Курорт Европа: эссе. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс». 2009. С. 29.

переманить к себе европейское производство. Сам лозунг «MAGA», «сделаем Америку снова великой», свидетельствует о многом: вне поспешно отброшенного модернистского проекта страна теряет и свое величие. С эпохой модерна, как становится очевидно, покончить явно поторопились. Россия внимательно приглядывается к западному опыту и делает свои выводы.

Русская литература постепенно начинает отражать эту ситуацию. С конца нулевых годов производственная тематика снова становится объектом внимания большой прозы. Модернистский «человек труда» на фоне мощного производства, одержимый великим энтузиазмом— оказывается по-новому притягательным. Можно привести в пример такие романы как «Уран» Ольги Погодиной-Кузминой, «Шахта» М. Балбачана, «Нацпроект. Современный производственный роман с прологом и эпилогом» К. Карманова.

В произведениях такого типа дается попытка масштабного изображения советской истории, анализ глубинных причин превращения общества производства в общество потребления. Происходит и поиск новых героев, активных, жаждущих настоящего Дела. Ностальгия по советскому является здесь тоской по некой подлинности и осмысленности существования, которая была утрачена, но оказалась вновь необходимой в современной ситуации